

ний, и какие это корни русского языка, как в статистическом отношении распределяется оставшаяся группа корневых единиц; сколько префиксальных (и, соответственно, суффиксальных) морфем было выделено, какие это единицы, какова их распространенность в словах современного русского языка; какие из существующих префиксальных и суффиксальных отрезков могут вступать в корреляции между собою, образуя тем самым корневые окружения, как много таких окружений, что они собою представляют и одинакова ли их нагрузка в современном русском языке. Вот тот небольшой и, конечно, примерный перечень вопросов, которые возникают в процессе работы с редактируемым словарем морфем русского языка.

В заключении необходимо отметить следующее обстоятельство: все лексикографические работы легко критиковать и очень трудно создавать. Может быть поэтому так быстро появляются рецензии на чрезвычайно редко выходящие работы подобного рода. Что же касается данного словаря морфем русского языка, то, несмотря на те замечания, которые уже сделаны или еще будут сделаны, с уверенностью можно утверждать, что он нужен, полезен и найдет широкий круг читателей, ибо интереса не только в экспликационном, но и стимулятивном отношении, заставляя размышлять над проблемой морфологической структуры слова в современном русском языке.

Т. Ф. Ефремова

В. Станков. Българските глаголни времена.—София, 1969. 200 стр.

Книга болгарского лингвиста В. Станкова завершает серию исследований автора, посвященных проблематике болгарских глагольных времен, а также некоторых модальных категорий болгарского глагола¹. В ней подробно в самостоятельных разделах описано значение и употребление каждого из девяти выделяемых автором времен, а также эквивалентных им по темпоральному значению модальных форм, охватываемых рамками болгарского индикатива.

В своем описании автор опирается на понятия общего (основного) значения, присущего форме в любых условиях контекста, и ее частных (в данном контексте) значений, из которых наименее зависимое от контекста рассматривается как глагольное. Употребление формы в несвойственной ей темпоральной функции в условиях контекста, логически противоречащего ее основному значению, квалифицируется как переносное употребление, если благодаря ему форма исполняет особые стилистические или модальные функции. Ср., например, настоящее историческое, реферативное, спящего действия, настоящее предрекаемое (стр. 28—52), настоящее потенциальной готовности к осуществлению действия (стр. 52—58); им-

перфект с модальными оттенками неуверенности, догадки, смягченного утверждения о действии в настоящем или будущем (стр. 108—113); плюсквамперфект с модальными оттенками скромности, деликатности, неконкретности сообщения о действии, припоминания или догадки о нем (стр. 124—126); будущее с модальными оттенками потенциальной готовности, долженствования, предполагаемого осуществления действия в настоящем (стр. 138—142) и др. При отсутствии стилистического или модального эффекта сдвиг в темпоральном значении формы рассматривается не как случай нейтрализации ее основного значения, а как самостоятельное значение данной формы, существующее параллельно с ее основным значением (и тем самым, заметим, сводящее на нет определение основного значения как присущего форме в любых условиях контекста). Как самостоятельное значение интерпретируется употребление настоящего времени в функции будущего в придаточных предложениях к главному со сказуемым в будущем времени (стр. 26—28), перфекта вместо будущего предварительного (стр. 81—82), имперфекта вместо будущего в прошедшем (стр. 103—105). При рассмотрении системы темпоральных оппозиций эти значения, отражающие, по мнению автора, более старое состояние болгарского языка, не учитываются. Значительное место отведено также описанию употребления временных форм в некоторых типах придаточных предложений.

Большое внимание в работе уделено исследованию возможностей стилистического использования отдельных темпоральных форм, вытекающих из их

¹ В. Станков, Имперфектът в съвременния български книжовен език, София, 1966; е го же, Модална употреба на глаголните времена в съвременния български книжовен език, «Известия на Института за български език», XV, София, 1967; е го же, Категории на индикатива в съвременния български език, БЕ, 1967, 4.

грамматического значения, художественного эффекта от их применения в различных литературных жанрах, а также мотивировке диктуемых грамматикой норм их употребления в различных ситуациях контекста (ср., например, стр. 17—22, 33—30, 82—86, 104—103, 142—145 и др.). Особенно подробно анализируется употребление темпорально-модальных категорий болгарского индикатива в языке художественного перевода (стр. 185—191).

Тщательная разработка всех этих вопросов, в которой проявились наблюдательность автора, тонкое понимание им особенностей речевой ситуации, большой вкус и точность в подборе иллюстративного материала, позволяют включить книгу В. Станкова в актив болгарской службы культуры речи и оправдывает замысел автора адресовать свою работу широкому кругу образованных читателей. Вместе с тем, монография представляет собой оригинальное исследование, содержащее целостную концепцию семантической структуры болгарских темпоральных форм, и является серьезным вкладом в теоретическое осмысление проблематики болгарского глагола. На этой ее стороне целесообразно остановиться более подробно.

Для предложенной в книге концепции плана содержания темпоральных форм болгарского индикатива характерна та исходная установка, что собственно временные значения этих форм должны рассматриваться в неразрывной связи с присущими данным формам в грамматическом плане модальными значениями, поскольку последние влияют на самое систему оппозиции временных форм. Соответственно, целью монографии становится описание «картины темпорально-модальной системы болгарского языка» (стр. 192). Какой же представляется автору эта система?

Отказавшись от принятого болгарской нормативной грамматикой отнесения так называемых пересказывательных форм отдельных времен к особому пересказывательному наклонению, что представляется справедливым, В. Станков устанавливает в составе болгарского индикатива три модальные парадигмы темпоральных форм, которые различаются между собой по способу высказывания. Одной из этих парадигм (ее охватываются такие формы прошедших времен, как *аорист*, *имперфект*, *плюсквамперфект*, будущее в прошедшем, будущее предварительное в прошедшем) представлена выделяемая автором категория «свидетельского» или «личного» высказывания. Эта категория находится в эквиополентной оппозиции с категорией пересказывания (репрезентруемой парадигмой пересказывательных форм для всех времен; инвентарь этих форм в работе не приводится). Третья модальная пара-

дигма (в состав которой входят настоящее, будущее, будущее предварительное и перфект, а также названные автором «перфектными» формы типа: *писал е, бил е писал, щал е да пише*, эквивалентные в темпоральном отношении указанным выше «свидетельским» временам) представляет категорию «нейтрального высказывания». Последняя вступает в привативную оппозицию с каждой из названных выше категорий, в силу чего специфическим для нее оказывается значение несвидетельского (не лично высказываемого) и в то же время непересказываемого действия (стр. 174). С помощью этих трех грамматических категорий выражаются модальные значения «личной осведомленности говорящего о действии, пересказывания, т. е. осведомленности о действии, полученной на основании чужих слов, или же не даются сведения о восприимчивости действия говорящим» (стр. 155).

Нетрудно заметить, что, согласно концепции В. Станкова, такие исторически присущие болгарскому языку времена, как настоящее, будущее, будущее предварительное, перфект, с одной стороны, *аорист*, *имперфект*, *плюсквамперфект*, будущее в прошедшем, будущее предварительное в прошедшем, с другой, оказываются в рамках разных модальных парадигм. Однако при описании собственно темпоральной системы болгарского глагола автор, никак этого не обосновав, вновь включает все названные формы в рамки единой системы временных форм, описанию семантической структуры которой и посвящены основные разделы книги. Поскольку установленная Станковым парадигма «нейтральных времен» содержит, как он сам отмечает, «полную, ненарушенную систему глагольных времен» (стр. 176), остается непонятным, в силу какой логики попытка установить чисто темпоральные оппозиции между глагольными формами основана на сведениях в одну парадигму форм, причисляемых самим автором к разным модальным категориям². Почему в эту парадигму

² Собственно, необходимость сведения в одну темпоральную парадигму фрагментов двух модальных парадигм не встала бы перед автором, если бы он исходил из немаркированности *аориста*, *имперфекта*, *плюсквамперфекта*, будущего в прошедшем по признаку несвидетельского (личного) высказывания о действии, в силу чего значение свидетельского (личного) высказывания о действии выступало бы как собственное, присущее только названным формам значение (аргументацию подобной точки зрения см. в работах: Е. И. Деминца, Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке, в кн.: «Вопросы грамматики болгарского литературного языка», М., 1959, стр. 335—

включается перфект, дублирующий, по мнению автора, темпоральное значение аориста, но не включаются остальные «перфектные» формы, дублирующие темпоральные значения прочих «свидетельских» времен? Как бы то ни было, такая попытка автором предпринята, и этим объясняется ряд непоследовательностей предложенной модели болгарских времен, невозможность отойти при ее рассмотрении от собственно модальных дифференциальных признаков.

Перейдем к рассмотрению этой модели времен.

В соответствии с нормативной болгарской грамматикой, в основу которой положены идеи исследований Л. Андрейчина, В. Станков делит болгарские времена на абсолютные, связывающие действие отношениями предшества, одновременности или следования с моментом речи (сюда отнесены настоящее, аорист-перфект, будущее) и относительные, связывающие действие теми же отношениями с ориентационным моментом, предшествующим моменту речи или следующим за ним (сюда отнесены имперфект — настоящее в прошедшем, плюсквамперфект — прошедшее в прошедшем, будущее в прошедшем, будущее предварительное — прошедшее в будущем и будущее предварительное в прошедшем). Иначе интерпретируются лишь перфект, который В. Станков, на наш взгляд, без достаточных оснований характеризует не как относительное (прошедшее в настоящем), а как абсолютное время.

Однако в ряде моментов В. Станков отходит от этой точки хронологической интерпретации временной системы болгарского глагола. Так, по его мнению, в область темпорального значения формы наряду с выражением хронологии действий входит «дополнительный семантический признак» прекращения — не прекращения действия. Данный признак, по убеждению автора, которое трудно разделить, с неизбежностью выте-

кает из выражения темпоральной формой отношений одновременности (следовательно, не прекращения), предшества (следовательно, прекращения), следования (значит — отсутствия представлений о прекращении — не прекращения) действия ориентационному моменту. Наличие, отсутствие или нейтральность к признаку непрерывности действия определяет различные возможности сочетания каждой временной формы с совершенным или несовершенным видом глагола (стр. 10—14). Например, в силу того, что «действия при конкретном употреблении настоящего времени темпорально не закончены (разрядка наша. — Е. Д.), логически следует предполагать, что они и видово не могут быть закончены. Отсюда следует, что непрерывности в темпоральном значении формы лучше бы соответствовал несовершенный вид, который обыкновенно показывает, что действие не дано в своей целостности, в своей исчерпанности» (стр. 11).

Особенно большая роль придается семантическому признаку прекращения — непрерывности или, по другой терминологии автора, законченности — незаконченности («завършеност» — «незавършеност») при описании значений аориста и имперфекта. При аористе глаголов совершенного вида «действие закончено по времени и исчерпано по виду» (стр. 60), при аористе глаголов несовершенного вида «действие прекращено в прошлом (темпоральное условие), но мы не знаем, завершено ли оно (видовое условие)» (стр. 62). Имперфект передает «незаконченный, неограниченный в момент прошлого, о котором говорится, процесс» (стр. 65). Невозможность употребления имперфекта глаголов совершенного вида при выражении единичного конкретного действия объясняется «невозможностью согласовать целостный характер совершенного вида с непрерывностью глагольного времени», что в свою очередь «доказывает бессорное наличие признака непрерывности в значении имперфекта» (стр. 100—104). Для перфекта отмечается лишь, что он обозначает «прошедшее действие, прекращенное до момента речи и ориентированное непосредственно к моменту речи» (стр. 73—74). В определении значений остальных времен этот признак не фигурирует.

Как нам представляется, признак прекращения — непрерывности, характеризующий особенности протекания глагольного действия, не может рассматриваться в семантическом плане как темпоральный на том только основании, что он передан морфологическими формами времени. На наш взгляд, мы имеем здесь дело с особым видовым по своему семантическому характеру признаком.

337, 351—352; М. Деянова, Имперфект и аорист в славянские езици, София, 1966, стр. 15—17; дополнительным аргументом может послужить тот факт, что в значительном числе случаев своего употребления, например, при переносном или модальном употреблении, названные прошедшие времена, безусловно, нейтральны к признаку свидетельственности (ср. гномический аорист, имперфект вместо настоящего при смягченном утверждении о действии и др.). Это значение, проявляющееся в оппозиции с формами аналогичных прошедших времен иных модальных парадигм, могло бы не приниматься в расчет при установлении темпоральных отношений внутри исторически присущей болгарскому языку временной парадигмы.

Не случайно, именно его наличие в формах времени позволяет В. Станкову поднять вопрос о том, что «значение времени и значение вида весьма тесно переплетены между собой, и часто не только темпоральные показатели являются определяющими по отношению к видовым..., но и наоборот — иногда вид определяет положение того или иного действия во времени, например, при настоящем времени в некоторых видах придаточных предложений» (стр. 14).

В связи со сказанным выглядит неубедительной критика В. Станкова, направленная в адрес сторонников разграничения аориста и имперфекта по видовому в широком смысле слова признаку (см. стр. 106). Приведенная выше интерпретация значения этих времен равным образом могла бы быть отнесена в актив критикуемой точки зрения. Сомнительным представляется и основной в критике В. Станкова аргумент, сводящийся к тому, что поскольку действие в имперфекте представлено как непрекращенное, несюжетное, прекращено ли оно и в момент речи — а раз так, значит оно не может быть определено как прошедшее по отношению к моменту речи. Если разграничивать уровень реальной действительности и уровень обозначения лингвистическим знаком одного из осмысленных этой действительности (а только при отождествлении этих уровней возникают основания для суждений типа: если действие не прекращено в прошлом, значит оно распространяется на настоящее), на наш взгляд, нельзя усмотреть ничего «невозможного», как это пытается доказать автор, в представлении действия как приуроченного к периоду времени до момента речи и в то же время как непрекращенного в этот хронологический период. Непрекращенность же действия в период времени, включающий в себя момент речи, выражается другой формой абсолютного времени, а именно настоящим³.

³ Попутно заметим, что именно в связи с настоящим временем, точнее — настоящим историческим, у Станкова намечается известная непоследовательность в квалификации признака прекращенности ~ непрекращенности. Отмечая, что формы настоящего исторического от глаголов несовершенного вида, будучи употребленными вместо аориста глаголов совершенного вида, обозначают действия как прекращенные, он рассматривает признак прекращенности уже не как темпоральной, а как видовой, выраженный категорией глагольного вида. Любопытно, что, по мнению автора, значение прекращенности передается здесь несовершенным видом, выступающим в позиции нейтрализации с совершенным видом по признаку целостности действия. В то же время, сам маркированный по

Отступление от чисто хронологической интерпретации системы глагольных времен в работе В. Станкова проявляется и в том, что он допускает возможность противопоставления внутри темпоральной парадигмы по «видовому в широком смысле» признаку «локализации ~ нелокализации» действия во времени, а также по модальному признаку «свидетельственности». Наличие ~ отсутствие признака локализации, благодаря которому действия предстают либо «как занимающие определенный отрезок времени (как протекающие в этот отрезок)» (стр. 82), либо «не как процесс (со своим местом во времени), а как чистый факт» (стр. 74), прослеживается В. Станковым для большинства времен, но только для аориста и перфекта этот признак рассматривается как релевантный, определяющий характер привативной оппозиции между этими имеющими одинаковое темпоральное значение формами. Признак свидетельственности, определяемый автором как дифференциальный в привативной оппозиции между «свидетельскими» и «нейтральными» временами единой темпоральной парадигмы (т. е. между аористом, имперфектом, плюсквамперфектом, будущим в прошедшем, с одной стороны, настоящим, будущим, перфектом, с другой) на практике рассматривается также лишь при противопоставлении аориста и перфекта. Как конкретно соотносятся между собой остальные времена двух выделенных групп, автор не показывает. Да, видимо, это было бы и невозможно, во-первых, в силу неизбежно вытекающего из привативного характера установленной оппозиции признания, что специфическим, только им присущим значением настоящего, будущего, будущего предварительного в оппозиции со свидетельскими временами является выражение действия как не воспринятого лично, что не соответствует языковой действительности. В частности, при попытке такого рассмотрения пришлось бы утверждать, что в позиции максимального противопоставления в примерах типа *Тук живеше, но вече не живее* (Л. Стоянов) противопоставлены два модальных плана — свидетельский и не-

этому признаку совершенный вид передает в настоящем историческом не прекращенность действия, а его повторяемость (стр. 33). Натанность этого объяснения связана, по-видимому, с убежденностью автора в том, что основное темпоральное значение формы (для настоящего — непрекращенности в момент речи), никогда не подвержено нейтрализации. В. Станков, однако, не конкретизирует, как же сочетается в настоящем историческом темпоральной непрекращенности единичного конкретного действия с его видовой прекращенностью (ср. цитирующуюся выше стр. 11 книги).

свидетельский, что автор при его точном чувстве языка допустить не может. Во-вторых, отсутствует «основание для сравнения» — общность темпорального значения каких-то пар этих форм при различении их модального характера. Особенно усложненными на фоне концепции автора предстают отношения между аористом и перфектом, с одной стороны, плюсквамперфектом, с другой: ср. наличие привативной оппозиции по двум признакам между аористом и перфектом, примыкание плюсквамперфекта по одному из признаков — свидетельственности — к аористу, по другому — нелокализированности — к перфекту.

Описанием системы временных оппозиций внутри парадигмы [часть «нейтральных» времен (настоящее, будущее, будущее предварительное, перфект) + «свидетельские» времена] исчерпывается содержащаяся в монографии характеристика темпоральных форм болгарского индикатива. Кроме того, об остальных формах «нейтральной» парадигмы (формах типа: *пишел е, бил е писал, цял е да пише*) сказано, что они по темпоральному значению соответствуют «свидетельским» временам; имперфекту, плюсквамперфекту, будущему в прошедшем. Что же касается вопроса о составе и темпоральном значении пересказывательных времен, он в работе В. Станкова не поставлен, хотя, безусловно, здесь есть своя проблематика. Прежде всего, как известно, инвентарь этих форм значительно уже, в связи с чем настоящему времени и имперфекту, перфекту и плюсквамперфекту, будущему и будущему в прошедшем соответствуют одни и те же темпоральные эквиваленты. Эти отношения дублированы и в парадигме эмфатических пересказывательных форм. Таким образом, сам вопрос о количестве пересказывательных времен нуждается в выяснении. Следует ли говорить об омонимии форм, скажем, настоящего и имперфекта пересказывательных или это единая форма? Каково ее темпоральное значение, в частности, по какой системе отсчета оно определяется? Как известно, эти вопросы являются дискуссионными⁴, и в книге, специально посвященной проблематике глагольных времен, хотелось бы видеть

их интерпретацию. Особый интерес представляла бы разработка вопроса о соотношении сфер функционирования непересказывательных и пересказывательных времен. Все ли частные значения, так тщательно описанные В. Станковым для непересказывательных времен, в том числе переносные и модальные, а если нет, то какие именно, находят себе соответствие при пересказывании? В будущих исследованиях автора, возможно, будет обращено внимание на эти важные для понимания темпоральной системы болгарского глагола вопросы.

Концепция В. Станкова содержит целый ряд интересных положений и конкретных замечаний, с многими из которых можно было бы согласиться, однако рамки рецензии не позволяют остановиться на всем. Для тех, кто более внимательно будет знакомиться с монографией, хотелось бы заметить, что некоторые спорные, на наш взгляд, места книги обусловлены, по-видимому, особым пониманием автором основного значения темпоральной формы как значения, не подлежащего нейтрализации, сохраняющегося во всех условиях контекста, выведением противоречащих этому фактов за рамки основного значения. Этим, видимо, объясняется обилие устанавливаемых им эквивалентных оппозиций между темпоральными формами, неполнота характеристики привативной оппозиции как такой, «при которой значения двух грамматических форм различаются лишь по одному признаку, причем в том смысле, что в одном значении этот признак всегда присутствует, а в другом может быть налицо, а может и отсутствовать, т. е. не является обязательным для него» (стр. 192), где не отмечено обязательное наличие у немаркированной формы противоположного признака, через который проявляется ее специфическое, только ей присущее значение, и др.

Попытка критического осмысления предложенной в книге концепции семантической структуры болгарского индикатива не снижает ценности оригинальной авторской трактовки вопроса, опирающейся на традиции болгарской грамматической школы и учитывающей достижения современной лингвистики. Монография В. Станкова, бесспорно, является серьезным вкладом в грамматическое учение о болгарском глаголе.

Е. И. Демина.

⁴ См. об этом: Е. И. Демина, Пересказывательные формы..., стр. 361—370.